

«городского пути» развития, как предполагает М. Я. Сюзюмов, т. е. возможности растворения империи в ряду городских республик итальянского образца¹⁹. Сам М. Я. Сюзюмов пишет, что слабость городов конца XI в. ориентировала императоров на землевладельческую феодальную знать и что возможности маневрирования были для императоров сильно ограничены²⁰.

Тем не менее дело было не только в экономической слабости и демографическом застое, но в большей степени в отсутствии городской общины, бюргерского движения за освобождение, городского самоуправления. Стабилизировавшаяся при Комнинах центральная власть была нацелена на подчинение городов, как при императорах Македонской династии, но не на интеграцию, как у французских королей. Без автономной фазы городского развития представляется невозможной государственно-централизованная консолидация при содействии бюргерства. Иными словами, город в период феодализма должен был и политически освободиться и стать из объекта субъектом, с тем чтобы стимулировать прогресс и в конце концов наложить на него свой отпечаток. Тяготы византийского ремесленника и купца были следствием не только феодальной регламентации, но и успешной конкуренции итальянского торговца, которая не ослабела после 1261 г., но, напротив, постоянно возрастала. При таких обстоятельствах феодализация поздневизантийского города должна была привести к регрессу.

Как в XI, так и в XIV в. знать была заинтересована в экспорте сельскохозяйственных продуктов и импорте готовых товаров. Это подрывало основу существования ремесла и торговли, и города все больше превращались в места обмена сельскохозяйственных продуктов. Заметно снизился уровень ремесленной техники²¹. Типичным для регресса было переселение части городского населения в деревни. Тем самым в XIV в. город больше не втягивал крестьянское население в товарное производство, а наоборот, феодальные поместья поглощали городских производителей²².

Негативная роль монастырей в процессе феодализации византийских городов подробно исследована советскими византистами и поэтому не нуждается в доказательстве.

Период гражданских войн 1341—1354 гг. открыл перед большими эмпориями вроде Константинополя и Солуни, а также перед средними городами вроде Андрианополя возможность для развертывания борьбы за свободу. Но при всем значении этих событий нельзя оставлять без внимания то обстоятельство, что экономические, социальные и политические условия были слишком сложны, чтобы начать там, где Западная Европа начала уже в XI—XII вв. Речь идет не просто о смещении фаз развития²³; антифеодальные народные движения XIV в. были продуктом византийского феодализма, изначально отмеченного специфическими чертами, которые отличали византийский феодализм от его латинского варианта, хотя ему и были присущи те же законы развития. «Классическое» начало благодаря тесной связи с античным наследием, сосредоточенным в городах, сделало возможным дальнейшее существование старого государственного аппарата, но это не означало, что путь Византии к феодализму был классическим путем, как полагает М. Я. Сюзюмов²⁴. Развитие новой общественной формации протекало в Византии более замедленно.

¹⁹ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 114.

²⁰ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 54 и сл.

²¹ См. «История Византии», т. 3. М., 1967, стр. 109—122.

²² Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — ВВ, 30, 1969, стр. 15.

²³ См. Н. Ф. Schmid. Die byzantinische Stadt. Diskussionsbeitrag zum XI. Internat. Byzantinistenkongress, 1958. München, 1961, S. 100.

²⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1973, стр. 9.